

Тот режиссер неторопливо добирается до сути пьесы, и тогда спектакль совершает качественный скачок. Микивер работает как резчик по металлу, ощущая не столько любовь к материалу, сколько его сопротивление. Но когда движения режиссера точны, актеры откликаются ему тем, что иначе не назовешь, как чувство жизни. Актер творит уже по велению собственной природы, а дорожке этого, как говорил Станиславский, ничего нет.

И тогда кажется, что не из театральных кулис, а будто с улицы в свой дом приходят на сцену замечательные старики из пьесы А. Кипсберга (Эллен Лийгер и Хейно Мандри)...

Эта цитата из статьи Н. Крымовой о гастролях Таллинского государственного театра драмы в Москве взята не потому, что в ней упоминается имя Хейно Мандри. Внимательный глаз критика как бы невзначай остановился на важнейшем профессиональном условии успеха совместной работы Микки Микивера и Хейно Мандри. Думается, что оба они — Микивер как постановщик и актер и Мандри как актер — добиваются беспорочных результатов именно там, где сопротивление материала больше, где путь к сути роли труднее, сложнее. Оба они как упрямые крестьяне умеют собрать щедрый урожай на том поле, где придется больше корчевать корней, выбирать камней, рыть водоотводные каналы. Однажды в разговоре Хейно Мандри вскользь упомянул, что поначалу представлял Нака иначе, но микиверовское видение образа заинтриговало его, увлекло, заставило искать. А о том, что такие загадки поисков могут привести к совершенству воплощения подсознательного творчества, говорит не только Яак из спектакля «В вихре ветров». Нечто подобное говорил Хейно Мандри и о своих поисках образа Вилли Ломана и Эугена Енсена.

Не считая ролей на радио, на телевидении, кино (на его счету участие более чем в 30 фильмах), созданных на эстонской, московской, грузинской, узбекской, украинской студиях, Хейно Мандри сыграл на сцене эстонского советского театра около 60 ролей.

40-е годы в истории театра «Эстония» остались как годы постановок «Жизни в цитадели» А. Якобсона, где он сыграл Карла, «Гамлета», где Мандри был Фортинбрасом, «Сирано де Бержерак», где он был Кристианом. В 50-е годы в вильяндиском «Угала» он сыграл Освальда в «Привидениях» Ибсена, Томаса в «Доме у моря» Цвейга. В 1958 году Хейно Мандри пришел в Таллинский академический театр драмы имени В. Кингисеппа, где играл крупные и главные роли — Безумяного в «Юдифи» А. Х. Таммсааре, Индрекка в «Банкроте», Мийлиныма в «Человеке и беге», главную роль в «Доне Карлосе» Шиллера, главную роль в «Слепце» Э. Альта, Адама в «Браконьерах» Э. Раннета. В созданном В. Пансо Молодежном театре Мандри играет в первой постановке М. Микивера Креона («Антигона» Ж. Ануя), Андрея Находку в «Матери» Горького. В этой постановке В. Пансо, современной, новов: по форме, с великолепным актерским составом (Л.

Линдау, А. Эскола, М. Микивер) образ Андрея выделяется человеческой теплотой. За Андреем Находкой последовала главная роль в «Евгении Онегине» и незабываемый, романтично-радостный Жужрай в постановке М. Микивера «Как закалялась сталь», поэтический образ учителя Лаура в пансовской «Весне» по О. Лутсу. Грегере в «Дикой утке» Ибсена (постановка В. Пансо), Вилли Ломан в прекрасной постановке М. Микивера «Смерть коммивояжера», Майор в пьесе «Тоот, Майор и другие», Сольнес в «Строителе Сольнесе» Ибсена. Все эти роли оставили заметный след в истории Молодежного театра.

В 1976 году Хейно Мандри возвращается в Таллинский академический театр драмы имени В. Кингисеппа. Список ролей, сыгранных за

эти годы, внушитель. Больше чем когда-либо Хейно Мандри увлечен сознанием образов в пьесах советских драматургов: Соломахин в «Протоколе одного заседания» и Кухаренко в «Обратной связи» А. Гельмана, Карл в «Розовом саде» Э. Ветемаа, Евгений Николаевич в «Деньгах для Марии» В. Распутина.

Все созданные Хейно Мандри сценические образы объединяют высокий профессионализм воплощения, сознательное стремление актера проникнуть в суть раскрываемого характера, увидеть и показать его, как явление. Интересно, что почитатели таланта Хейно Мандри восхищаются как бы двумя разными актерами. Одних привлекает все то, что характерно для Мандри как актерской личности: великолепное звучание голоса, большая внутренняя сосредоточенность, — мощный темперамент. Им нравятся и его романтические и героические образы, которым хочется подражать, и его комические и гротескные персонажи, его глубоко и разнообразно прорисованные характеры, взятые как бы из самой жизни. Другие восхищаются именно характерами, созданными актером, видя в них чистый реализм, повседневную жизнь человека в бесконечном многоцветье красок и противоречий, достоинств и недостатков. Возвышенность идеалов и юмор, прячась в полутонах, скрываясь за полнотой жизни, позволяют обнаружить и раскрыть в судьбах обычных, прозаичных людей и трагические, и

комические явления действительности.

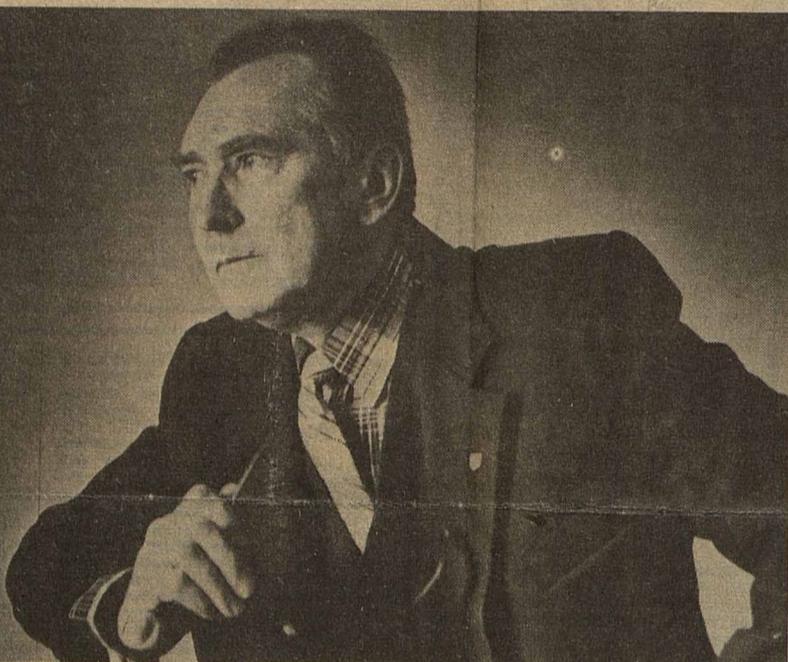
На фестивале эстонской драматургии сезона 1979 года за исполнение роли Эугена Енсена в постановке Микки Микивера «Час на вертящемся стуле» Хейно Мандри был удостоен титула лучшего актера фестиваля. С этой работой, ранее удостоенной годовой премии театрального общества республики, он с большим успехом гастролировал в стоковском Королевском театре.

Эта длинная, трудная и казавшаяся некоторым постановщикам неспешной, слишком литературной монодрама Яана Кросса захватила Микки Микивера с момента ее публикации. Тема компромисса представителя эстонского национального движения, первого эстонского профессионального журналиста, отца выдающейся поэтессы Лидии Койдула Иоханна Вольдемара Енсена с балто-немецким баронством в последние годы жизни не раз оказывалась предметом споров в истории нашей культуры. Не всегда в этих запальчивых спорах участники могли сохранить здравомыслие, остаться на позициях диалектического понимания истории, и в азаре обвинений порой за одну ошибку перечеркивали все, что сделал для эстонской культуры Вольдемар Енсен.

Думается, что сотворчество Яана Кросса, Микки Микивера и Хейно Мандри, опираясь на этот яркий пример из прошлого, помогло выразить нечто новое и весьма важное об отношении идеалов и действительности вообще, о ценности идеалов и

Люди искусства

По велению собственной природы

дикального направления, Хейно Мандри заставляет зрителя задуматься над бесконечной сложностью действительности и человека.

Думается, что вопрос правды и чести, заостряющийся в тему всеуничтожающей лжи, звучит в «Часе...» столь же трепетно, как и в сыгранной более десяти лет тому назад «Смерти коммивояжера». Роль Вилли Ломана — одна из крупнейших в сценической биографии Хейно Мандри. Вера Вилли Ломана в гигантскую блистательную ложь американской жизни, возведшую роль личной инициативы в достижении успеха в абсолют, а престиж и успех — з смысл человеческого существования, создала уничтожающую пустоту между действительностью и недостижимым фальшивым идеалом. На глазах зрителей происходило трагическое столкновение человека с фальшью жизни, столкновение, закончившееся лишь с гибелью. Эта роль Хейно Мандри немало описана в рецензиях и театральных размышлениях, вошла в историю эстонского советского театра.

Продолжение темы без вины виноватых, раскрытой в этих двух крупных сценических образах, еще большее углубление в отношения человека и общества, человека и человека, проявило себя в другой работе Хейно Мандри — образе Яака в спектакле «В вихре ветров». Рассудительный, твердый характером, мужественный человек, один из немногих отцов в постановках эстонской классики на сцене, который настолько понимает детей, что это понимание перерастает во вневременное чувство человеческого единения, — таков Яак. И тем не менее и постановщик, и актер сумели и здесь не смешать в образе правду субъективную и правду объективную, общечеловеческую правду эпохи, убедить зрителя в том, как трудно справедливейшему человеку отличить зло от добра, удержаться от несправедливости в обществе, где царит несправедливость. Это произведение, рожденное в дни революции 1905 года, не раз ставилось на эстонской сцене, не раз интерпретировалось на сценах других театров. Спектакль Микивера, удостоенный высокой оценки и в Москве, и в гастрольной поездке по ГДР, выделяется прежде всего масштабностью мысли, широтой обобщения. Масштабная мысль предполагает прежде всего наличие мастерского ансамбля в театре, который умест с непогрешимой правдивостью и точностью раскрыть в захватывающем художественном образе социальные и психологические черты, а Хейно Мандри — один из актеров Советской Эстонии, составляющий костяк такого ансамбля.

Л. ВЕЛЛЕРАНД.

На снимке: Х. Мандри.
Фото К. Лийва.